

Д.ф.н.Слухай Н.В.,

Профессор ИФ КНУ имени Тараса Шевченко

КОСМОС Т. ШЕВЧЕНКО В КООРДИНАТАХ АСТРАЛЬНЫХ МИФОЛОГЕМ

Шевченкиана, как отечественная, так и зарубежная, практически необозрима в силу стремления общества при смене любой парадигмы (мировоззренческой, общественно-политической, этической, научной и т.д.) заново осмыслить творческое наследие Кобзаря. И, поскольку сегодня в числе актуальных оказались проблемы мифологического мышления народа и личности в аспекте онто- и филогенеза, мифологического канона, или традиции, мифологической картины мира писателя и форм ее объективации, мифопоэтики текста, естественной представляется задача осмысления семантики «народных мифологем» поэта [Мишанич 1993, с.11; аналогично Грабович 1991, с.20]. О народных мифологемах речь идет, во-первых, потому что шевченковские образы инокультурного происхождения, античного, в частности, представлены в виде реестра, систематизированы и осмыслены (С.В.Мишанич), чего нельзя сказать об исконных, хотя шевченковеды многократно подчеркивали народнопесенную основу как раннего периода творчества Т.Шевченко, так, в значительной мере, периода ссылки и последующего [Смілянська 1981, с.53; Мовчанюк 1993, с.14; Коцюбинська 1990, с.111; Ильин 1944, с.42].

Было бы несправедливым сказать, что этнические мифологемы, в том числе в спектре образов живой и неживой природы, не изучались вовсе. Это было бы невозможно прежде всего в силу существования установочно-ориентационных императивов, эксплицированных Т.Шевченко и опосредованно, в тексте произведений, и непосредственно, в текстах писем, ср.: “Ничего не может быть в жизни слаще, очаровательнее уединения, особенно перед лицом улыбающейся, цветущей красавицы матери Природы. Под ее сладким, волшебным обаянием человек невольно погружается сам в себя и видит бога на земле...” [Шевченко, т.5, с.19; ссылки приведены на издание произведений Т.Шевченко под номером 44, со значком * – 45, буква И предваряет индекс частотности употреблений]. “Мені тепер здається, що й раю кращого на тім світі не буде, як ті Андруші, а вам там то може навіть остило дивиться і на сині Трахтемировські гори” [До А.О.Козачковського, 14.IY.1854 р., — 4, П, №62]; также и в других письмах [До Бр.Залеського, 6.YI.1854., — 4, П, № 64; До Бр.Залеського, 25.IX.1855 р., — 4, П, № 76; До М.О.Осипова, 20.Y.1856 р. — 4, П, № 79]. Эти и другие свидетельства столь красноречиво говорят об отношении Кобзаря к природе, и особенно природе родного края, что оставит мифологемы мира природы без внимания исследователи не могли. Тем более, что существует традиция среди

биографов поэта искать истоки богатой фантазии Кобзаря во впечатлениях детских лет о красоте окружающего мира: “Бродя по лесам и ярам, по горам и долинам, он, по природе своей впечатлительный и любознательный, постоянно присматривался ко всему окружающему: и к голубому небу, усеянному по вечерам мириадами сверкающих звезд, и к бледно-серебристому месяцу, и к мрачным курганам; он прислушивался и к завыванию ветра, и к шуму древесной листвы, и к “гомину дубравы”, и к песне соловья, где-нибудь вблизи “едва журчащего ручья, окруженного вербами и калиною, окутанного широколиственными темно-зелеными лопухами” [Конисский 1898, с.23]. И действительно, отдельные замечания о мифологемах мира природы содержатся едва ли не в каждой крупной работе, посвященной изучению поэтики Шевченко — как в XIX — начале XX вв., так и сегодня. Так, о “солнце”, “месяце”, “туче”, “ветре”, мифологеме “Днепр” Т.Шевченко речь идет о работе Н.Ф.Сумцова [Сумцов 1905, с.88]. Традиции фрагментарного описания мифологемы характерны и для работ более позднего времени, посвященных “морю” (З.Т.Франко), отдельным орнитальным и вегетативным образам (О.В.Багрий), “трьюм воронам” (Є.П.Кирилюк, О.Білецький, О.Дейч), “горам”, “місяцю білолицему” (С.Шаховський), некоторым образам животного и растительного мира Т.Шевченко (М.Коцюбинська), растительному миру раннего творчества Т.Шевченко (Л.Б.Мостова), мифологеме “сад” (О.М.Дубровська, Л.М.Авер'янова, Є.Шаблювський), “очерету”, “образу “степової трави” (В.П.Мовчанюк) и прочих. Но метод “точечного” исследования художественной речи, вне реконструкции мегакультурного и авторского “фона” текстового употребления, всегда будет оставлять, по меньшей мере, чувство неудовлетворенности и неполноты выводов: “Шевченків “білолиций” — це філософська категорія одвічності... Місяць тут — традиційно названий “білолицим” — багатодійовий, вічний, мудрий співрозмовник. Так, у Шевченка він зовсім інший, ніж у фольклорі. Там він незмінний свідок побачень” [Шаховський 1964, с.136-137]. В идеале только полная реконструкция облика всех мифологем речи автора при условии существования мифологического словаря этноса и мифологического словаря народов мира позволит сделать аргументированные выводы о мифопоэтике того или иного произведения или художественной речи автора в целом. Предложенная нами работа лишь в малой мере способна изменить ситуацию, поскольку исключение из числа анализируемых даже одной мифологемы существенно для адекватного понимания мифопоэтической картины мира, не говоря об их группах.

Второй проблемой является стремление навязать мифологеме фоновую энциклопедическую ипостась и даже установить прямые корреляции между мифологемой (в тексте или в составе мифопоэтической картины мира автора) и внетекстовой реальной действительностью. Так отразился ли в речи Шевченко образ окружающего мира, или даже мир детских воспоминаний, юношеских переживаний явился в тексте не прямо, а лишь через посредство активизированного “коллективного подсознания”; вторая часть тезиса

принадлежит Г.Грабовичу [Грабович 1991, с.18], и предстал как всеобщий, всеохватывающий, холистический, телеологический образ мира и человека (поэта) в нем [Грабович 1991, с.161]? Проблема эта — является ли творчество Шевченко “отражением жизни, и только жизни” (И.О.Дзевежин), и произведения его — словно “артистическое эхо жизни” [Лепкий 1994, с.52], или же творчество Шевченко является обусловленным временем и пространством воплощением “музыки Вселенной” в этнически мотивированных образах, — является не только значимой мировоззренчески, но и важной практически.

Третья проблема осмысления мифологем Шевченко вряд ли может быть названа современной: речь идет о методе исследования концептуальной картины мира писателя через призму ассоциативно-психологических полей образа в позиции объекта сопоставления при фрагментарном анализе или о полном игнорировании образа в позиции субъекта осмысления. Нами предложен путь восстановления мифологемы через анализ спектра форм, идентификацию позиций осмысления и переосмысления каждой формы и, соответственно, воссоздания значения или мотива, объективированного словоформой. Многочисленность текстовых воплощений образа отражает широкий спектр авторских коннотаций, и если сумма дескрипторов мифологемы охватывает поле ее интенционала, то перечень форм наглядно представляет ее коннотативный фон.

Мифологемы восстановлены при помощи метода логико-семиотической рамки, суть которого состоит в осмыслении образа в единстве всех возможных позиций его проявления в тексте: субъекта осмысления, или СО, - того, что осмысливается путем приписывания признаков — прямых дескрипторов (формула «А есть Х...») и что может быть переосмыслено, занимая позицию субъекта сопоставления, или СС, как составную позицию субъекта осмысления путем приписывания признаков — непрямых (косвенных) дескрипторов (формула «А подобно Х...») или переосмыслено, занимая позицию объекта сопоставления, или ОС (формула «Х...подобно А»). Предлагаемый метод требует, во-первых, поиска интенционально близких форм, объективирующих образ в речевом потоке (в последующем — определения интенционально релевантных и нерелевантных среди форм). Во-вторых, идентификации каждой из трех логико-семиотически значимых позиций. В-третьих, описания спектра прямых дескрипторов образа-СО, что позволяет далее определить их качественный состав; косвенных дескрипторов образа-СС (с акцентом на коде — компоненте Х... формулы “А подобно Х...”), что позволяет охарактеризовать данный образ посредством признаков иных образов, “измерять” данный образ — “лотом” иных; реверсивных дескрипторов образа-ОС (с акцентом на мотиве — компоненте “подобно” формулы “Х... подобно А”), что позволяет не столько осмыслить иные образы посредством данного, сколько выявить мотивы, или значения-”оборотни”, связанные с данным образом в сознании творца. Анализ логического компонента “подобно” формул “А подобно Х...”, “Х... подобно А” позволяет также определить спектр и приоритеты среди логико-

лингвистических основ переноса, типов тропа и средств его объективации. В-четвертых, осмысление всех актуализаций образа позволяет выстроить общий ряд дескрипторов мифологемы, включающий прямые и неизоморфные реверсивные, структурировать интенциональное поле. Воссозданный интенционал позволяет установить степень авторизации мифологемы путем сопоставления авторского образа и статьи мифологического словаря. В-пятых, осуществляется конверсивное прочтение спектра дескрипторов в пределах каждой из четырех моделей, среди дескрипторов определяются типичные и уникальные. В-шестых, путем анализа типичных определяются мировоззренческие константы (МК) писателя относительно данной группы. В-седьмых, сопоставляя МК всех групп, можно определить тип идиостиля.

Мифо-энциклопедические представления об астральных (включая солярные и лунарные) мифологемах (солнце, солнечных циклах, луне, лунных циклах, звездах, метеорах, Млечном пути, Плеядах, Орионе и других) получили широкое освещение в специальной литературе (А.Н.Афанасьев 1995; Воропай О. 1958; Килимник С. 1994; Костомаров Н. 1994, С.М.Толстая 1986, Цивьян Т.В. 1988, О.Н.Бадер 1978 и другие), и глубокую словарную обработку относительно мифологии народов мира и мифов восточных славян: «звезды» (Усачева 1999, с.290 -294), «звезда» (Дж.Трессидер 1999, с.107-108), «луна» (О.В.Белова, С.М.Толстая 2004, с.143-147), «луна» (С.М.Толстая 1995, с.245-247), «луна» (Е.М.Штаерман, 1992, с.78), «луна» (Дж.Купер 1995, с.190-193), «луна» (Дж.Трессидер 1999, с. 203-207), «месяц» (С.Санько 2004, с.316-320), «лунарные мифы» (В.В.Иванов 1992, с.78-80), «лунное время» (О.В.Белова, С.М.Толстая 2004, с.147-150), «лунные пятна» (А.В.Гура 2004, с.150-154), «Млечный путь» (О.О.Белова, 2004, с.264-266), „сонце” (А.Л.Топорков, 1995, с.361-363), «солнце» (Дж.Трессидер 1999, 348-351), «солнце» (Дж.Купер 1995, 310-314), „сонца” (С.Санько, Я.Сахута 2004, с.478-480), «солярные мифы» (В.В.Иванов 1992, с.461-462), также в многочисленных других источниках.

Среди мифологем Т.Шевченко, связанных с первоэлементами природы, заметное место занимают образы небесных светил: “солнца”, “луны”, “звезды”, “кометы”, а также связанных с небесными светилами природных явлений — “утренней и вечерней зари”. Верования, связанные с культом небесных светил, по мнению Хв.Вовка, являются древнейшими в составе украинского мифа [Вовк 1916, с.182].

Центральная солярная мифологема в художественной речи Т.Шевченко осмыслена в формах: сонце, чуже сонце, ясне сонце, червоне сонце, сонце праведне, сонце пресвятеє, сонце правди, сонце-правда, сонечко, веселе сонечко, вечерне сонечко, святеє сонечко; святий, огненний господин; червонолиця Діана; круглолиця молодиця; схід сонця; захід сонця; схід сонечка; на русском языке солнышко, небесные солнечные лучи; а также представлена парафразами: “...полдень ясный моей Украины прекрасной Позолотил, любя, лелея, Свое прекрасное дитя” [1, 173]; “День погас” [2, 231]; “Сіло сонце, з-за діброви Небо червоніє” [1, 51]; “Летим.

Дивлюся, аж світає, Край неба палає...” [1, 231]; “Пливуть собі, а із-за хвилі Сонце хвилю червонить” [1, 205] — в поезии: солнце, золотое солнце, солнце божие, лучезарный Феб, незаходимое солнце, восходящее солнце, вечернее солнце, заходящее раскаленное солнце, ярко-оранжевый свет заходящего солнца, закат солнца; изумрудные лучи; солнечные лучи; восход солнца; лучи заходящего солнца, парафразами: “позолоченная закатом солнца панорама” [4, 121]; “западный небосклон еще рделся, как потухающее зарево отдаленного пожара” [4, 300]; “солнце близилось к горизонту и золотило своим желто-багровым светом и без этого золотые, уставленные копнами поля благодатного села” [3, 58]; “умирающий день” [3, 58] — в прозе.

Образ “солнца” — СО представлен в поэтической речи Т.Шевченко в спектре таких значений: 1. **“Комплекс ФЭП”**: “Сонце заходить, гори чорніють, Пташечка тихне, поле німіє” [2, 31; И-7]. 2. **“Хронометр”**: “Під хатою дідусь сивенький Сидить, а сонечко низенько Уже спустилось над Дніпром” [2, 36; И-19]. Кроме того, извечные восход и закат фиксируют для человека течение времени [2, 100; И-3], неумолимые, они очерчивают контуры дня и в счастье, и в горе [2, 43; И-2]. 3. **“Центр “малой Вселенной” человека, бесценный дар, принадлежащий каждому от рождения”**: “О боже мій милий! Тяжко жить на світі, а хочеться жить: Хочеться дивитись, як сонечко сяє...” [1, 94; И-16]. 4. **“Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной”**: “Будеш, батьку, панувати, Поки живуть люди, Поки сонце з неба сяє, Тебе не забудуть” [1, 43; И-3]. 5. **“Маркер определенного земного локуса”** (с оппозицией свой-чужой): “І квіткою, й калиною Цвісти над ним буду, Щоб не пекло чуже сонце” [1, 36; И-3]. 6. **“Медиатор между мифопоэтическими полимирами языческого происхождения”**, — в нулевой позиции — до восхода, после заката — разомкнуто магическое пространство (до восхода собирают лечебные травы, набирают воду, летают души, осуществляются метаморфозы): “До схід сонця воду брала, В барвінку купала...” [1, 220; И-5]; до восхода солнца обсуждали в Вифлееме рождение месии [2, 276]. 7. **“Медиатор между миром мертвых и живых”**: в нулевой позиции — до восхода, после заката — проходит граница между временем света и тьмы — по ту сторону ее возможна жестокая месть, ослаблены табу на убийства, в это время топили, поили отравой нелюбимых детей, казнили врагов, душа прощалась с телом: “Проклятий час-годинька, Що ти народилась! Якби знала, до схід сонця була б утопила” [1, 48]; “Нехай, кляті, бенкетують, Поки сонце зайде” [1, 65]; ср.: “Зійшло сонце — ляшки-панки Покотом лежали” [1, 65; всего И-8]. “Сонце — святе й праведне, тому не можна дразнити його злими подіями. І нечиста сила діє звичайно вночі, коли нема сонця. Сонце не терпить крови, і карає вбивця, коли він пролле кров на його виду” [378, 29]. 8. **“Медиатор между мифопоэтическими полимирами христианского происхождения”**: В нулевой позиции — до восхода, после заката, зимой, во время катастроф — размыкается пространство зла, враждебных человеку сил: “А воля душу стерегла. Прокинься, — каже. — Плач, убога! Не зійде сонце. Тьма і тьма” І правди на землі нема!” [2, 317]; наконец, восход солнца кладет конец власти потусторонней силы: “Біла

хмара криє Сіре небо. А в тій хмарі Мов звір в гаї вис... Розлетілись, розсипались, Сонечко вставало” [1, 240-241; всего И-5]. 9. **“Атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы, центр ее”**: “І все то те, вся країна, Повита красою, Зеленіє, вмивається Дрібною росою, Споконвіку вмивається, Сонце зустрічає...” [1, 231; И-6]. 10. **“Явление с чертами анимизма, анимитизма”**: “В одежде грубой нищеты Она прекрасна; полдень ясный Моей Украины прекрасной Позолотил, любя, лелея, Свое прекрасное дитя” [1, 173]. В этом значении мифологема “солнце” функционирует в мужской ипостаси в контрпозиции к “земле”, антропоморфной ипостасью которой является женская: “Попрощалося ясне сонце З чорною землею, Виступає круглий місяць З сестрою зорею” [2, 37]. Мужская ипостась “сонця” проявляется также в его сопоставлении с врагом [1, 75], женихом: “І барвінком, і рутою, І рястом квітчає Весна землю, мов дівчину В зеленому гаї; І сонечко серед неба Опинилось-стало, Мов жених тую молодую, Землю оглядало” [1, 271]. Мужская ипостась “сонця”, нетипичная, как отмечает И.Нечуй-Левицкий, для украинских колядок, веснянок, присуща мифологическому мировосприятию Древней Руси, где солнце звали Дажьбогом или господином, как Ярославна в “Слове о полке Игоревом”, сравним: и в тексте Шевченко Ярославна зовет солнце огненным господином [2, 299]. Хотя известны и мнения, согласно которым “месяц” был мужским началом, “солнце” — женским, невестой [Боровский 1992, с.123]. Г.Булашев среди антропоморфных ликов солнца называет и женский (Новоград-Волынский повит), и мужской (Винницкий), последний как производный от живописного [Булашев 1992, с.242-243]. Оппозиция “солнце” — жених, “земля” — девушка — не единственная; “солнце” сравнивается также с ребенком, нежная мать которого — “хмаронька” [2, 181; всего И-10]. 11. **“Предвестник беды, смерти/непогоды, ветра”**: “Червоне сонце” Шевченко — п. непогоды, ветра — одновременно имеет фольклорно обусловленную проспективно-сигнализирующую функцию “вестника беды, смерти”: “Ідуть молитися ченці за Гуса. З-за гори Червоне сонце аж горить. І сонце хоче подивитися, що будуть з праведним творить?! [1, 259; И-3], лишь в одном контексте характеристизатор использован с колоративным значением [1, 205]. 12. **“Локус Бога, воплощение сил мщения, уничтожения”**: “Чи буде правда меж людьми? Повинна бути, бо сонце стане І осквернену землю спалить” [2, 318; И-6]; образ “сонця” как воплощение Бога функционирует также в контекстах наряду с образами “хмари”, “диму”, “завірюхи”, которые в критических ситуациях должны закрывать светлый лик Божий: “І дим хмарою заступить Сонце перед вами, І навіки прокленетесь Своїми синами!” [1, 302; И-3], — это типично не только для христианства, но и язычества. Обернувшись к востоку или восходящему солнцу молились: “Встали сіромахи, Помолились на схід сонця, Пішли понад шляхом” [1, 62; И-2]; с восходом солнца пришел к Марии апостол [2, 272]. Интересно сравнить мифопоэтическую ипостась солнца в художественной речи Т.Шевченко с представлениями об этой мифологеме в украинских народных верованиях. В

інтерпретації В.Петрова, міфологема, що виходить з візантійської, далі — античної міфології, грецьким орфічним і гелліністическим культурам, в українських народних вірованнях “визначається як розумна і досконала істота, що сповняє правильну путь богу; ...норма людського поведіння, моральний зразок святості; ...прояв божества, воно є образ божої слави, лице боже, всевидяче око боже, слово Боже, дзеркало. Як посланець, як посередник між Богом і світом, воно стежить за людьми... і розповідає Богові все, що бачило” [Петров 1927, с.90-94]. Далі, як відомо, “...схід — це блаженна сторона, де вічна весна, вічне світло й тепло... Хто молиться богам, має молитися на Схід, а особливо вранці, бо раніше сонце, добре викупане і виспане, завжди милостиве. ...Схід — сторона землі, де сонце сходить, цебто, де починається життя. Бог-сонце був у глибокій пошані, — на Схід усі народи молились. Пошану Сходу ще з глибокої давнини прийняла Християнська Церква” [Митрополит Іларіон 1992, с.27]. Нарешті, митрополит Іларіон ссылається на свідчення багатьох джерел: у всіх народів сонце з древніх часів обожествляється, пізніше перетворюється в окремого бога [Митрополит Іларіон 1992, с.21]. А, як пише І.Нечуй-Левицький, в християнстві “всі прикмети бога сонця перенесені на Христа, “сонце правди, добротою краснішого паче всіх чоловік, світ незаходимий” [Нечуй-Левицький 1992, 37].

В якості СС “сонце” Шевченко переосмислено згідно з кодами: **антропоморфному**: “Без милого сонце світить — Як ворог сміється” [1, 75]; “сонечко мов жених” [1, 271]; “Червонолиця Діана... круглолиця молодичка, Чи теє... дівчина” [2, 90]; **пироморфному** (в прозі): “Западний небосклон ще рделся, як потухаюче зарево віддаленого пожеги” [4, 300]; **артефактуальному**: “На восьме літо у неділю, Неначе ляля в льолі білій, Святее сонечко зійшло” [2, 73]; **фонові-міфологічному**: “Із туману, Як кажуть, стала виглядати Червонолиця Діана...” [2, 90]; Феб [3, 251]; **коловративно-синестетическому**: “Вечерне сонечко гай золотило, Дніпро і поле золотом крило” [2, 37]; “Сонце хвилю червонить” [1, 205; І-8]; **атрибутивному** (в поезії; в прозі): “Мов покотило червоніє, Крізь хмару — сонце зайнялось” [1, 57]; “огромний беловато-серебристий шар, одним тільки абрисом схожий на сонце” [4, 281].

Як ОС “образ” сонця представлений мотивами, серед яких є ізоморфні описані значення: **комплекс ФЭП**: “На чужій сторонці Найдю кращу або згину, Як той лист на сонці” [1, 88; І-3]; **локус Бога, втілення сил мщенія, знищення**: “А ти, моя Україно, Безталанна вдова, ...Порадимось, посумуєм, Поки сонце встане; Поки твої малі діти На ворога стануть” [1, 231]; ср. з парафрастическим іменем Бога — “сонцем”: “...Щоб усі слов'яне стали Добрими братами, І синами сонця правди...” [1, 254; І-3], також в прозі: “Спаси уповаючих на тя, Мати незаходимого сонця” [4, 114]; **с. любови і щастя**: “Аж ось із Києва привозять Княжну. Мов сонечко зійшло Над обікраденим селом” [2, 26; І-6]; аналогічно в прозі: “Любовь — як сонце ясне високо Одно на небе голубом. Одна любовь...” [3, 45].

В прозе Шевченко образ “солнца”-СО представлен следующими прямыми дескрипторами: 1. **“Атрибут опозитивированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы”**: “Смотрю, золотое солнце повисло над фиолетовым горизонтом и рассыпало свои изумрудные лучи по всему необъемлемому пространству. Новая прелесть! Новое очарование! [4, 301; И-14]. 2. **“Комплекс ФЭП”**: “Долго он сидел под забором молча и только тихо улыбался, когда поворачивал лицо к солнцу. Наконец, он начал плакать...” [3, 292; И-9]. 3. **“Хронометр”**: “Солнце уже довольно высоко поднялось, когда я проснулся в своем фургоне” [3, 331-332; И-23]. 4. **“Центр “малой Вселенной” человека, бесценный дар, принадлежащий каждому от рождения”**: “Сколько раз она покушалась взойти на двор и выпросить назад или, наконец, украсть свое дитя, потому что ей без него не можно было жить на свете, без него хлеб не елся, вода не пила, солнце божие не светило и не грело” [3, 67]. 5. **“Медиатор между полимирами универсума языческого происхождения”**, в нулевой позиции размыкающий магическое пространство: “Красавицы! ... т.е. красавицы не первой свежести, не советую вам танцевать до восхода солнечного. Власть, утвержденная при свете свечей над нашим бедным сердцем, распадается при свете солнца, и обаяние, навеянное вами в продолжение ночи, сменяется каким-то горько-неприятным чувством, похожим на пресыщение” [3, 205]. 6. **“Медиатор между миром мертвых и живых”** [4, 225]. Образ “зари”, представленный формами зоря, зоря-зоря, зорница, зірница, зіронька, біла зоря, слухняна рожевая зоря, реализует значения: **“хронометр”**: “Уже зірница на небі ясно зайнялась. Марія встала та й пішла” [2, 272; И-3] 3, 24 — в драме; 3, 56 — в прозе]; мотив **“с. дум, доли”** [2, 94]; **“явление с чертами анимизма, анимитизма”** [3, 20 — в песенном фрагменте].

Центральная лунарная мифологема в художественной речи писателя объективирована в формах: місяць, сонце, місяченько, білолиций, місяць круглолиций, блідий місяць, луна кровавая, кровавое светило, бледная луна, круглолиций, червоний місяць, луна червона, щербатий місяць, місяць ясний, круглий місяць (поезія); прекрасная полная луна, ночь лунная, светлая; місяць, луна, полная луна; луна полная, круглая, румяная, перерезанная длинными золотыми тучками; лунная ночь, безмолвная свидетельница, луна святая, полная красавица луна (проза); місяць, ясний місяць (драма).

В качестве СО **“ночное светило”** Т.Шевченко реализует значения: 1. **“Атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности, “русалочье солнце”**: “А з неба місяць так і сяє... Аж гульк — з Дніпра повиринали Малії діти, сміючись. “Ходімо гріться! — закричали. — Зійшло вже сонце!” [2, 31]. Время луны — это время метаморфоз, русалок, ведьм: “місяць сходить, В яру... пасеться вовкулак” [1, 331; И-6]. Мир ирреального существует по собственным законам, поэтому переименование референта (луна — солнце) происходит по логике подмены (“вместо”), а не сопоставления, тождества либо аналогии и ассоциации.

Изучая заговоры, М.Новикова таким образом описала характер связи ночного светила с царством мертвых: “У язичницькому космосі мертві не

“поза світом” , а в “іншому світі” стосовно живих, неперехідної границі між світами тут немає. Оскільки язичницька ніч — “інший день”, так само і місяць — “інше” сонце, “нічне” сонце, він цілком логічно стає “сонцем мертвих” [Новикова 1993, с.201]. 2. **“Медиатор между полимирами универсума”**, в частности миром людей и миром божественного верха: “А тим часом місяць пливе оглядати І небо, і зорі, і землю, і море, Та глянуть на людей, що вони моторять, Щоб богові вранці про те розказать” [1, 117]. 3. **“Атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анитимизма”**: “Вітру немає; Місяць високо, Зірочки сяють. Вийди, серденько, — Я виглядаю” [1, 100; И-6]. 4. **“Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной”**: “А сонечко встане, як перше вставало, І зорі червоні, як перше пили, Попливуть і потім, і ти, білолиций, По синьому небу вийдеш погулять, Вийдеш подивиться в жолобок, криницю і в море безкрає, і будеш сіять, Як над Вавилоном, над його садами І над тим, що буде з нашими синами. Ти вічний без краю!..” [1, 86; И-3]. 5. **“Хронометр”**: “Надворі світає; Погас місяць, горить сонце. Гайдамаки встали...” [1, 90; И-5]. 6. **“Комплекс ФЭП”**: “Біліє місяць; люде сплять, І титар спить...” [1, 106]. 7. **“Явление с чертами анимизма, анимитизма”**: “Печально бледная луна С глубокой вышины сияла И белый саван озаряла На мертвой грешнице земле” [1, 191; И-10]. 8. **“Предвестник беды, смерти”** (в соединении с колоративом “красный”, “бледная”, “білолиций”): “Темнело поле, из тумана Луна кровавая взошла; Взглянула с трепетом Оксана И быстро молча отошла От неприветного окна, Страшась кровавого светила” [1, 191; И-7]. 9. **“Психологический ассоциатив: “свидетель беды”**: “Місяцю мій ясний! з високого неба Сховайся за гору, бо світу не треба; Страшно тобі буде, хоч ти й бачив Рось і Альту, і Сену, і там розлилось, Не знать за що, крові широкее море...” [1, 119; И-2]. 10. **“Маркер определенного земного локуса — Украины”**: “... І місяць з зорями сяє, І соловейко на калині То затихав, то щебетав, Святого бога вихваляв; І все то, все то в Україні!..” [2, 38; И-4].

В качестве СС “луна” Шевченко переосмыслена в соответствии с кодами: **атрибутивным**: “І блідий місяць на ту пору Із хмари де-де виглядав, Неначе човен в синім морі, То виринав, то потопає” [1, 29]; “Червоний діжою Місяць сходив...” [2, 101]; **антропоморфным**: “...люблю розмовлять, Як з братом, з сестрою, розмовлять з тобою, Співать тобі думу, що ти ж нашептав. Порай мені ще раз, де дітись з журбою?” [1, 86]; “сховайся, мій друже” [1, 119]; **орнитальным**: “Місяченьку! Наш голубоньку!” [1, 31]; **пан-натуралістическим**: “Попрошалося ясне сонце З чорною землею, Виступає круглий місяць З сестрою зорею” [2, 37].

В прозе мифологемой реализованы значения: **“атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы природы с чертами анимизма, анимитизма”**: “все мы, весело разговаривая, пошли любоваться, как полная луна из-за мельницы и из-за старой вербы выглядывает и отражается в темной прозрачной воде” [3, 224; И-7];

“свидетель беды” [3, 108]; “комплекс ФЭП” [3, 207]; “атрибут ситуаций антифактивности” [3, 149].

В драме, помимо значения в диапазоне “комплекса ФЭП” [3, 27; И-2], реализованного и как мотив в позиции ОС: “Бач, у полковниці лізе! Чи довго ж то вона буде любитися його лисиною замість ясного місяця?” [3, 21], отмечено значение “атрибут ситуаций антифактивности” — во фрагменте изложения одной из двух наиболее распространенных на Украине мифопоэтических версий происхождения пятен на луне (брат закалывает брата вилами) — [3, 28; И-3].

Спектр дескрипторов образа, как видим, в значительной мере индивидуализирован, но аксиологически ореол произведен от фона общечеловеческих коннотаций. Ссылаясь на Г.Башляра, П.Гиро писал: “Почему..., характеризую лунную дорожку на воде, поэты всегда сравнивают ее с молоком..? Потому что в прекрасную летнюю ночь лунный свет обволакивает нас своим благодатным, поистине материнским теплом... Теплый воздух, нежный свет и душевный покой абсолютно необходимы для создания этого образа. Это его материальные компоненты. Компоненты изначальные и неизменные” [Гиро 1980, с.50-51].

Мифологема “звезда” объективирована в художественной речи Т.Шевченко в следующих формах: зірка, зорі, зіроньки, зорі божії, сестри-зорі безвічній, зоря, вечірня зоря, вечірня зіронька, праведній зорі, зорі яснооки, зоря досвітня, зоря вечірня, зіронька, зоря ясная; огонь всевидимий, святий, животворящий; зірки (в поезии); красноватые звезды, звездочки, Чепига, Волосожар (в прозе); зорі ясні (в драме).

Образ “зірки” представлен в речи Т.Шевченко прямыми дескрипторами: 1. **“Атрибут опозитивированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы”**: “Зорі сяють; серед неба Горить білолиций; Верба слуха соловейка, Дивиться в криницю” [1, 101; И-9]. 2. **“Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной”**: “І зорі червоні, як перше пили, Попливуть і потім” [1, 86; И-3]. 3. **“Хронометр”**: “Гуляли б, поки не смеркає, Поки мир божий не засне, Поки з вечірньою зорьєю Не зійде місяць над горою” [2, 210; И-3]. 4. **“Маркер определенного земного локуса”**: “...І місяць з зорями сів, І соловейко на калині То затихав, то щебетав, Святого бога вихваляв; І все то, все то в Україні!..” [2, 38; И-3]. 5. **“Центр “малой Вселенной” человека, бесценный дар человеку от рождения”**: “...Небо, зорі, добро, люде. І лютее горе — Все пропало, все! нічого Не знає, не бачить, Як убитий” [1, 124; И-3]. 6. **“Явление с чертами анимизма, анимитизма: глаза неба”**: “Праведній зорі! Сховайтесь за хмару; я вас не займав, Я дітей зарівав” [1, 145]; ср.: “...помолюся Зорям яснооки, Щоб без мене доглядали Тебе, одиноку” [1, 165; И-2]. Ср.: “зорі — це сонцеві та місяцеві діти, або пізніше — Божі очі” [Митрополит Илларион 1992, С.26]. 7. **“Медиатор между мифопоэтическими полимирами”**: “Зоре моя вечірня, Зійди над горою... Розкажи, як за горою Сонечко сідає, Як у Дніпра веселочка Воду позичає... А над самою водою Верба похилилась; Аж по воді розіслала Зеленії віти, А на вітах гойдаються Нехрещені діти, Як у полі на

могилі Вовкулак ночує, А сич в лісі та на стрісі Недолю віщує. Як сон-трава при долині вночі розцвітає”... [2, 20; И-2]. 8. **“Атрибут ситуацій антифактивності/неполной фактивности”**: “А знаєш, снилося мені: Удень неначе місяць сходив, А ми гуляєм понад морем Удвох собі. Дивлюся, зорі Попадали неначе в воду, Тільки осталася одна, Одна-однісінька на небі, — А я, неначе навісна, В Дунаєві шукаю броду, З байстрам розхристана бреду” [2, 104; И-3]. Падаючіе зvezды — катастрофическая аномалія, ср. с восприятием мира Гонтой, разрушение и “малой Вселенной”, и всего мироздания, крушение космологической модели.

В качестве СС мифологема “зірка” переосмыслена в соответствии с кодами: **антропоморфным**: “Зоре моя! Мій друже єдиний” [2, 20; И-2]; **пан-натуралістическим**: “Попрощалося ясне сонце З чорною землею, Виступає круглий місяць З сестрою зорею...” [2, 37]; **абстрактно-символіческим** (ср. зоря-ОС — с. думи, доли): “Походимо ж, моя зоре... Зійдемо на гору, Спочинемо, а тим часом Твої сестри-зорі, Безвічні, попід небом Попливуть, засяють” [2, 327].

В качестве ОС образ представлен мотивами: **“с. милого, любимого человека, в основном девушки, женщины”**: “Одпочинь, моя ти зоре! Ти з неба злетіла!” [1, 102; И-3]; **“с. ясных, лучистых глаз”**: “Столітні очі, як зорі, сіяли” [1, 149; И-4] **“с. сокровенных дум, доли”** [2, 97; И-4]; в т.ч. в структуре двухступенчатого реверсивного переноса: “Моя зоре досвітняя, Єдина думо Пречистая!.. Ти витаєш... Як у того Нуми Тая німфа Егерія, — Так ти, моя зоре, Просіяєш надо мною, Ніби заговориш, Усміхнешся... Спасибі, зіронько!” [1, 262], также при переосмыслении фразеологизма “путеводная звезда” [2, 249]. Заметим однако, что с точно таким мотивом в тех самых формах использована писателем омонимическая форма “зоря” [рус. “заря” — 1, 320; 2, 20, 97, 257].

В прозе Шевченко образ “зірки” является низкочастотным. Из значений воспроизводится **“компонент опозитизированного пейзажа”**: “Удивительная ночь! Красноватые звезды казались крупнее обыкновенного и как-то особенно прекрасно горели на темном фоне” [4, 264]; **“хронометр”**: “Вот уже и Чепига, и Волосожар за гору спрятались, и зорница взошла” [3, 56], а также значение **“предвестника непогоды”**: “Должно быть, будет дождь. Ни одной звездочки на небе” [3, 43].

Образ **“кометы”** явлен у Шевченко в формах: мітла, мітла огненна.

Образ кометы-СО представлен в поэзии прямыми дескрипторами: 1. **“Предвестник явления Мессии”**: “Мітла з востоку Над самим Віфлеємом боком, Мітла огненна зійшла. І степ, і гори осіяла. Марія з шляху не вставала, Марія сина привела, Єдиную ту дитину, Що нас од каторги спасла!” [2, 275]. 2. **“Предвестник беды”**: “А то лихо буде! Он, бачите, над Києвом Мітла простяглася. І над Дніпром і Тясмином Земля затряслася... То близнята народились”... [1, 303]. 3. **“Явление с чертами анимизма, анимитизма”**: “А мітла, Мітла огненна світила... і дивилась На ту ослицю” [2, 277].

Образ-СС переосмыслен согласно **атрибутивному** [1, П, 303; И-2] и **астральному** кодам [2, 277].

Итак. Космос мифопоэтического универсума Т.Шевченко, представленны в нашем исследовании четырьмя астральными мифологемами, центрован относительно дневного светила и полицентричен относительно ночных: “луны”/”месяца” и “звезды”. “Комета” занимает скромное место среди астральных мифологем: она определяется лишь тремя дескрипторами, один из которых апеллирует к христианскому мифу; отмечена только в позиции СО (СС) и только в поэзии, что свидетельствует о ее сравнительно меньшей освоенности в художественной речи Т.Шевченко, что наглядно представлено Табл. №№ 1.1.—1.4. Приложения.

Несмотря на то, что мифологема “солнце” определяется 13 дескрипторами, “звезда” — 12, а “ночное светило” — 10, наиболее значимыми в художественной системе Кобзаря являются “солнце” и “ночное светило”, сравним: “солнце” в позиции СО представлено 12 дескрипторами из 13, “ночное светило” — 10 из 10, а “звезда” — лишь 9 из 12, причем 3 дескриптора, явленные лишь в позиции ОС, относятся к числу общепозэтических (с. милого, любимого человека; с. сокровенных дум, доли; с. ясных, лучистых глаз, — последнее в поэзии и драме). Общее число дескрипторов мифологемы “звезда” во всех логико-семиотически мотивированных позициях и всех жанрово-стилевых проявлениях — 15; “ночное светило” — 18, а “солнце” — 23, причем именно мифологема “солнце” относится к числу наиболее активных (ср. контексты объективации в скобках после дескрипторов); представлена самым широким спектром дескрипторов; наибольшим числом изоморфных мотивов (их 3) и отличается наибольшей активностью в прозе, что хорошо иллюстрируется данными №№ 1.1-1.4 Приложения № 1.

Как видим, качественный состав дескрипторов всех образов, включая мифологему “комета”, демонстрирует приоритет мифопоэтических относительно фоново-энциклопедических и безусловную доминанту исконных, этнических, благодаря чему астральные образы Т.Шевченко с полным основанием могут быть именованы этномифологемами. Это отчетливо видно при условии “обратного” прочтения всего ряда дескрипторов относительно всех астральных образов, — см. Табл. № 2. Приложения. Если мифологичность и доминантная этничность объединяют спектр дескрипторов М.Лермонтова и Т.Шевченко, то заметна и черта, обуславливающая их различие: спектр дескрипторов астральных мифологем Т.Шевченко имеет более выраженные признаки антропности сравнительно со спектром дескрипторов астральных мифологем М.Лермонтова; то же демонстрирует и спектр кодов переосмысления астральных мифологем Кобзаря, что видно по данным нижеследующей таблицы:

Коды астральных мифологем Т.Шевченко

Код	Число образов, определяемых кодом
Простые	
1. Атрибутивный	2
2. Пироморфный	1
3. Пан-натуралистический	2
4. Артефактуальный	1
5. Фоново-мифологический	1
6. Антропоморфный	3
7. Орнитальный	1
8. Астральный	1
9.	1
Абстрактно-символический	
Составные	
10.	2
Колоративно-синестетический	

Если обобщить данные обратного прочтения всех дескрипторов относительно всех мифологем астральной группы, учитывая лишь те, частотность которых превышает единицу, и объединяя сходные в типы, получим перечень мировоззренческих констант автора, — см. Табл. № 3. Приложения, который обнаруживает, помимо прочего, широкий спектр полимиров художественного универсума Кобзаря.

Антропоцентризм и космологизированность художественного мира Т.Шевченко не содержат в себе противоречия: бесконечная многоликость космоса преломлена сквозь призму мирозерцания человека как части этнической общности, социума, и это особенно ярко демонстрирует группа астральных мифологем.

Примечания:

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — В 3-х т. — Т. 1. — М., 1995. — 412 с.
2. Бадер О. Н. Элементы культа светил в палеолите // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 40-46.
3. Белова О. В. Млечный путь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. — В 5-ти т. — Т. 3. — М., 2004. — С. 264-266.
4. Белова О. В., Толстая С. М. Луна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. — В 5-ти т. — Т. 3. — М., 2004. — С. 143-147.
5. Белова О. В., Толстая С. М. Лунное время // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. — В 5-ти т. — Т. 3. — М., 2004. — С. 147-150.
6. Боровський А. Є. Світогляд давніх киян. — К., 1992.
7. Булашев Г. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. — К., 1992.

8. Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. — Прага, — 356 с. Друк. в зб. “Украинский народ в его прошлом и настоящем”. — Т. 2. — СПб, 1916.
9. Воропай О. Звичаї нашого народу. — У 2-х ч. — Мюнхен, 1958. — Ч. 1. — 451 с.; Ч. 2. — 448 с.
10. Гиро П. Разделы и направления стилистики и их проблематика // Новое в заруб. лингвистике. Вып. 9. Лингвостилистика / Сост. и вст. статья И.Р.Гальперина. — М., 1980. — С. 35-68.
11. Грабович Г. Шевченко як міфотворець. Семантика символів у творчості поета. — К., 1991.
12. Гура А. В. Лунные пятна // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. — В 5-ти т. — Т. 3. — М., 2004. — С. 150-154.
13. Иванов В. В. Лунарные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. — 2-е изд. — В 2-х т. М., 1992. — Т. 2. — С. 78-80.
14. Иванов В. В. Солярные мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. — 2-е изд. — В 2-х т. — М., 1992. — М., 1992. — С. 461-462.
15. Ільїн В. Порівняння у Шевченка // Пам'яті Т. Г. Шевченка / Ред. Б.І.Чернишев та ін. — К., 1944. — С. 37-52.
16. Килимник С. Український рік у народних звичаях в історичному висвітленні. — У 2-х кн. — К., 1994. — Кн. 1. — 392; Кн. 2. — 594 с.
17. Конисский А. Я. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (Критико-биографическая хроника). — Одесса, 1898.
18. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія. — К., 1994. — 383с.
19. Коцюбинська М. Етюди про поезику Шевченка. — К., 1990.
20. Купер Дж. Луна // Энциклопедия символов. — М., 1995. — С. 190-193.
21. Купер Дж. Солнце // Энциклопедия символов. — М., 1995. — С. 310-314.
22. Лепкий Б. Про життя і твори Тараса Шевченка. — К., 1994.
23. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — 683 с.
24. Мишанич С. В. Міфологія в творчості Т.Шевченка // XXX наук. Шевченківська конф.: Тези і матеріали / За ред. В. С. Бородіна і С. В. Мишанича. — Донецьк, 1993. — С. 6-12.
25. Мовчанюк В. П. Медитативна лірика Т.Г.Шевченка. — К., 1993.
26. Митрополит Іларіон. Дохристиянські вірування українського народу: Історично-релігійна монографія. — К., 1992.
27. Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. — К., 1992.
28. Новикова М. Коментар // Українські замовляння / Упор. М. Н. Москаленко. — К. 1993. — С. 199-306.
29. Павлович Н. В. Значение слова и поэтические парадигмы // Проблемы структурной лингвистики. 1984 / Отв. ред. В. П. Григорьев. — М., 1988. — С. 151-166.
30. Петров В. Мітологема “сонця” в українських народних віруваннях та візантійсько-гелліністичний культурний цикл // Етнографічний вісник / За гол. ред. А. Лободи та В. Петрова. — Кн. 4. — К., 1927. — С. 88-119.

31. Санько С. Месяц // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004. – С. 316-320.
32. Санько С., Сахута Я. Сонца // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск, 2004. – С. 478-480.
33. Смілянська В. Л. Стиль поезії Шевченка (суб'єктна організація). — К., 1981.
34. Сумцов Н. Ф. Главные мотивы поэзии Т. Г. Шевченко // Из украинской старины. — Харьков, 1905. — С. 82-96
35. Толстая С. М. Луна // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 245-247.
36. Толстая С. М. Сонце играет // Славянский и балканский фольклор. 1986. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. – М., 1986. – С. 8-11.
37. Топорков А. Л. Сонце // Славянская мифология. – М., 1995. – С. 361-363.
38. Трессидер Дж. Звезда // Словарь символов. – М., 1999. – С. 107-108.
39. Трессидер Дж. Луна // Словарь символов. – М., 1999. – С. 203-207.
40. Трессидер Дж. Солнце // Словарь символов. – М., 1999. – С. 348-351.
41. Усачева В. В. Звезды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – В 5-ти т. – Т. 2. – М., 1999. – С. 290-294.
42. Цивьян Т. В. Мотив наказания Месяца в сюжете небесной свадьбы // Балто-славянские исследования. 1986. – М., 1988. – С. 228-238.
43. Шаховський Є. Огонь в одежі слова. Питання майстерності і стилю поезії Т.Шевченка. — К., 1964.
44. Шевченко Т. Твори. — В 5-ти т. — Т. 1-5. — К., 1978.
45. Шевченко Т. Повне збір. творів. — В 10-ти т. — Т. 1-10. — К., 1949-1964.
46. Штаерман Е. М. Луна // Мифы народов мира. Энциклопедия. – 2-е изд. – В 2-х т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 78.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Таблица 1. 1. Астральные мифологемы Т.Шевченко.
Абстракция II уровня.
Мифологема “ночное светило”**

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма			
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	
1. Атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности	+	Атрибутивный, пан-натуралистический, орнитальный, антропоморфный	—	+		—	+		—	
2. Медиатор между полимирами универсума	+		—	—			—	—		—
3. Атрибут опозитивированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы	+		—	+			—	—		—
4. Незыблемая точка мироздания, Вселенной опора	+		—	—			—	—		—
5. Хронометр	+		—	—			—	—		—
6. Комплекс ФЭП	+		—	+			—	+		+
7. Явление с чертами анимизма, анимитизма	+		—	—			—	+		—
8. П. беды/смерти	+		—	—			—	—		—
9. Психологический ассоциатив: свидетель беды	+		—	+			—	—		—
10. Маркер определенного земного локуса — Украины	+		—	—			—	—		—

Таблица 1.2.

Мифологема “солнце”

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
1. Комплекс ФЭП	+		+	+	Пироморфный, колоративно-синестетический	-	-		-
2. Хронометр	+		-	+		-	-		-
3. Центр “малой Вселенной” человека, бесценный дар каждому от рождения	+		-	+		-	-		-
4. Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной	+		-	-		-	-		-
5. Маркер определенного земного локуса-Украины	+		-	-		-	-		-
6. Медиатор между мифопоэтическими полимирами языческого происхождения (в нулевой позиции размыкает магическое пространство)	+		-	+		-	-		-
7. Медиатор между мифопоэтическими полимирами христианского происхождения (в нулевой позиции размыкает пространство зла)	+		-	-		-	-		-
8. Медиатор между миром мертвых и живых	+		-	+		-	-		-
9. Атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы, ее центр	+		-	+		-	-		-
10. Явление с чертами анимизма, анимитизма	+		-	-		-	-		-
11. П. беды, смерти/непогоды, ветра	+		-	-		-	-		-
12. Локус Бога, воплощение сил мщения, уничтожения	+		+	-		-	+	-	-

13. С. любви, счастья	—	Колоративно-синестетический, атрибутивный, артефактуальный, фоново-мифологический, антропоморфный	+	—		—	—		+
-----------------------	---	---	---	---	--	---	---	--	---

Таблица 1.3.

Мифологема “комета”

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
1. П. рождения Спасителя	+	Атрибутивный, астральный	—	—	—	—	—	—	—
2. П. беды	+		—	—	—	—	—	—	—
3. Явление с чертами анимизма, анимитизма	+		—	—	—	—	—	—	—

Таблица 1.4.

Мифологема “звезда”

Дескрипторы	Поэзия			Проза			Драма		
	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС	СО	СС	ОС
1. Атрибут опозитированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы	+		—	+	—	—	—	—	—
2. Незыблемая точка мироздания, Вселенной опора	+		—	—	—	—	—	—	—
3. Маркер определенного земного локуса	+		—	—	—	—	—	—	—
4. Центр “малой Вселенной” человека, бесценный дар человеку от рождения	+		—	—	—	—	—	—	—
5. Явление с чертами анимизма, анимитизма: глаза неба	+		—	—	—	—	—	—	—
6. Хронометр	+		—	+	—	—	—	—	—
7. П. непогоды	—		—	+	—	—	—	—	—
8. С. милого, любимого человека, в основном	—		+	—	—	—	—	—	—

девушки, женщины		Антропоморфный, абстрактно-символический, пан-натуралистический							
9. С. ясных, лучистых глаз	—		+	—		—	—		+
10. С. сокровенных дум, доли	—		+	—		—	—		—
11. Медиатор между мифопоэтическими полимирами	+		—	—		—	—		—
12. Атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности	+		—	—		—	—		—

**Таблица 2. Астральные мифологемы Т.Шевченко.
Абстракция III уровня.**

Дескрипторы	Мифологемы			
	Звезда	Комета	Ночное светило	Солнце
1.Комплекс ФЭП	—	—	+	+
2.Хронометр	+	—	+	+
3.Центр “малой Вселенной”	+	—	—	+
4.Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной	+	—	+	+
5.Маркер определенного земного локуса —	+	—	+	+

Украины				
6.Медиатор между мифопоэтическими полимирами	+	—	+	+
7.Медиатор между миром мертвых/живых	—	—	—	+
8.Атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы	+	—	+	+
9.Явление с чертами анимизма, анимитизма	+	+	+	+
10.П. беды/смерти, непогоды/ветра	+	+	+	+
11.Локус Бога, воплощение силы мщения, уничтожения	—	—	—	+
12.С. любви, счастья	—	—	—	+
13.П. рождения Спасителя	—	+	—	—
14.Атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности	+	—	+	—
15.Психологический ассоциатив: свидетель беды	—	—	+	—
16.С. милого, любимого человека, в основном любимой девушки, женщины	+	—	—	—
17.С. ясных, лучистых глаз	+	—	—	—
18.С. сокровенных дум, доли	+	—	—	—

**Таблица 3. Астральные мифологемы Т.Шевченко.
Абстракция IV уровня. Тип мировоззренческих констант**

Мировоззренческие константы	Дескрипторы
1.Фоново-энциклопедический тип	Комплекс ФЭП, хронометр, маркер определенного земного локуса, предвестник непогоды/ветра
2.Пан-натуралистический тип	Атрибут опозитизированного пейзажа — составной самодостаточной системы живой, одухотворенной природы; явление с чертами

	анимизма, анимитизма
3. Медиарный тип	Медиатор между мифопоэтическими полимирами, предвестник беды/смерти, атрибут ситуаций антифактивности/неполной фактивности
4. Космологический, центрованный тип	Незыблемая точка мироздания, опора Вселенной; центр “малой Вселенной” человека